

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Р У С С К О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы (П У Ш К И Н С К И Й Д О М)

Русская литература

№ 1

И С Т О Р И К О - Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й Ж У Р Н А Л

1971

Год издания четырнадцатый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД

ВИКТОР МАКСИМОВИЧ ЖИРМУНСКИЙ

(2 августа 1891 года — 31 января 1971 года)

Об ученом большого масштаба, прожившем долгую жизнь, часто говорят, что с его смертью ушла целая эпоха. Со смертью академика Виктора Максимовича Жирмунского ушло несколько эпох нашей филологической науки. Еще перед Великой Октябрьской революцией стали выходить его книги и статьи, сделавшие его заметным литературоведом и критиком второй половины десятых годов. О нем как о крупном специалисте по немецкому романтизму отзывался Александр Блок. Он был восходящей звездой историко-филологического факультета Ленинградского университета. В 20-е годы он находился в центре литературоведческих дискуссий. В 30-е годы он был широко признанным германистом, виднейшим литературоведом, языковедом, фольклористом. Он стоял уже во главе своей филологической школы, и его книги переводились на Западе. Послевоенные десятилетия принесли В. М. Жирмунскому еще большую славу ученого мирового размаха. Его необычайно широкий диапазон знаний расширился тюркологией — исследованиями в области тюркского эпоса, сравнительной грамматики тюркских языков, тюркской этнографии. Без сомнения, он не знал равных себе в мировой науке ученых в области сравнительно-исторического изучения эпоса и литератур. Его голос привлекал к себе всеобщее внимание на мировых конгрессах. Он стал иностранным членом пяти европейских академий и почетным доктором четырех зарубежных университетов.

Вся его деятельность была тесно связана с научной и литературной жизнью нашей страны. Он выступал по самым животрепещущим темам литературной жизни. Он был не только ученым, но и критиком, критиком-филологом. И не случайно, что с самого основания Союза советских писателей он был его членом. В Союзе писателей, в его Ленинградском отделении, он играл такую же заметную роль, как в Академии наук СССР и в Ленинградском университете.

По работам В. М. Жирмунского, всегда тесно связанным с запросами жизни и современной ему филологической науки в целом, можно было бы изучать историю идейных и методологических исканий нашей науки.

Что же пропел Виктор Максимович свое, индивидуальное и неизменное через все шесть десятилетий научной и общественной деятельности? Остановимся только на некоторых главных чертах его личности как ученого.

В. М. Жирмунский был типичным для Петербурга начала века представителем русской интеллигенции. Для интеллигенции того времени была характерна широкая эрудиция, свободное владение языками, огромный круг духовных интересов. Поэты были учеными, ученые-филологи близко стояли к литературной жизни. На всем господствовал интерес к истории культуры. Виктор Максимович учился в одном из лучших средних учебных заведений начала века — Тенишевском училище, откуда учащиеся выходили с прекрасным знанием иностранных языков. В зале этого училища устраивались литературные вечера. Впоследствии это был главный дискуссионный зал Петербурга—Петрограда. В Петербургском университете, где учился Виктор Максимович, преподавали Ф. Ф. Зелинский, Е. В. Тарле, Л. П. Карсавин, И. М. Гревс и многие другие выдающиеся специалисты по античной и средневековой культуре. Еще живы были традиции А. Н. Веселовского, начинал свои блестящие лекции И. И. Толстой. На романо-германском отделении Виктор Максимович имел возможность заниматься у Д. К. Петрова, соединявшего в своем лице романиста и арабиста, у Ф. А. Брауна, возглавлявшего кафедру романо-германских языков, у В. Ф. Шишмарева.

В. М. Жирмунский вырос в среде высоко эрудированных ученых с широкими интересами. Он привык до конца своих дней делиться своими мыслями, своими предположениями, результатами своих работ еще до их напечатания. Он постоянно советовался с товарищами по специальности, выступал с докладами по исследованиям, которые еще не были у него закончены, чтобы проверить свои выводы. Он был в высокой степени общителен.

Может быть, этой его социальностью, а может быть, и его природной пылкостью объяснялась и другая черта его личности как ученого: он постоянно расширял круг своих и без того широких научных интересов. Его жизнь была непрерывным, упорным и вдохновенным трудом. Задавшись целью исследовать какую-либо новую область, он не жалел сил на изучение языка, источников и ничего не брал из вторых рук, но принимал во внимание все написанные на новую для него тему работы, беседовал и прислушивался к тому, что говорили специалисты. Уже будучи профессором, он садился на студенческую скамью, чтобы присутствовать на занятиях Л. В. Щербы по фонетике или изучать вместе со своими учениками шведский язык. Во время Великой Отечественной войны, уже прославленным ученым в своей области, он решил расширить круг своих научных интересов и с увлечением занялся изучением тюркских языков, чтобы иметь возможность исследовать эпос среднеазиатских народов. Совсем пожилым он изучал сербохорватский язык, чтобы ввести в круг своих сравнительно-исторических исследований сербский эпос.

Виктор Максимович обладал острым чувством времени. Благодаря этому он так часто выступал по проблемам современной ему литературы и современной ему филологической науки. Он дебютировал статьей «Современная литература о немецком романтизме» (1913),¹ статьями, посвященными культурным событиям в Германии, где он находился в полугодовой научной командировке. Его первая книга была посвящена «Немецкому романтизму и современной мистике» (1914). Романтизм и его традиции были в то время актуальной проблемой русской поэзии. В особой заметке, присланной из Германии, он характеризовал берлинские театры конца XIX—начала XX века (1914).

В. М. Жирмунский печатался не только в научных, но и в общелитературных журналах: «Северные записки», «Русская мысль», «Любовь к трем апельсинам», а затем в журналах «Центрифуга», «Жизнь искусства» и других.

Он приветствовал «преодолевших символизм» — в первую очередь А. А. Ахматову (1916), рецензировал ее «Белую стаю» (1918), в особой рецензии отмечал появление «Стихотворений Аполлона Григорьева» в издании А. А. Блока (1916). Характерно, что он сопроводил своей вступительной статьей первые переводы С. Я. Маршак английских народных баллад. Этими переводами С. Я. Маршак начал заниматься по совету В. М. Жирмунского.

Его книга «Композиция лирических стихотворений» (1921), не утратившая своей свежести и до сих пор, была основана главным образом на материалах современной ему поэзии или по крайней мере тех, которые были актуальны в поэтической жизни конца десятых годов. Затем появилась книга о поэзии Александра Блока, статьи о мелодике стиха, о рифме, книга «Введение в метрику» (1925).

Он откликнулся на новинки литературы, в первую очередь современной ему поэзии, информировал о том, что происходило в филологической науке на Западе, главным образом в Германии. Характерна в этом отношении его статья «Новейшие течения историко-литературной мысли в Германии» (1927). В те годы ученый, вернувшийся из заграничной командировки, обязан был опубликовать о ней научный отчет. Отчет посвящался обычно личным научным занятиям ученого. Виктор Максимович посвятил свой отчет не только занятиям, но и характеристике той общественно-научной жизни, с которой он ознакомился за границей.

Определяя истоки своего интереса к проблемам словесного искусства, В. М. Жирмунский писал: «Для меня вопросы словесного стиля встали с особой отчетливостью под влиянием кризиса символизма и резкого перелома поэтических вкусов, связанного с выступлением нового поколения поэтов „акмеистов“. Статья „Преодолевшие символизм“ (написана летом 1916 г.) и книга „Валерий Брюсов и наследие Пушкина“ (декабрь 1916—февраль 1917 г.) написаны именно в это время и расширяют столкновение двух современных литературных групп в типологическую противоположность принципиально разных стилей».²

Виктор Максимович ценил «чувство жизни». О своей статье «Поэзия Александра Блока» (1921) он писал, что она была «попыткой установления связи между „чувством жизни“ и искусством поэта».³

Когда пишущие эти строки поступили в вузы (один — в Петроградский университет в 1923 году, другая — в Педагогический институт им. Герцена в 1928 году), Виктор Максимович был окружен в наших глазах ореолом современной поэзии, современной литературной мысли, журнальной полемики, немецкой учености и немецкой романтики. Однако он не был обычным журнальным критиком, как и не был оторванным от современной ему литературной жизни ученым. Все критические выступления В. М. Жирмунского отличались строгой филологической

¹ См. библиографию в книге: Виктор Максимович Жирмунский. Вступительная статья П. Н. Беркова. Библиография составлена Р. И. Кузьменко. Изд. «Наука», М., 1965.

² В. Ж и р м у н с к и й. Вопросы теории литературы. Статьи 1916—1926. «Academia», Л., 1928, стр. 10.

³ Там же, стр. 9.

аргументацией взглядов на современную поэзию, историко-литературным подходом, позволявшим ему точно определять значение фактов современной литературной жизни и предугадывать их будущее развитие. Это характерно уже для его, ставшей широко известной, статьи 1916 года — «Преодолевшие символизм». Он стоял за строго научное изучение современной литературы и заявлял: «...пора науке расстаться с обывателем, не рассчитывая на громкий успех у „интеллигентного читателя“...»⁴

Как человек реалистически и научно мыслящий, он был врагом всякого догматизма и односторонности. Это в полной мере сказалось в его отношении к формальному методу в литературе. Стремясь найти положительную сторону в каждом новом течении, он приветствовал в формализме «расширение научного кругозора в сторону формальных вопросов», но он всегда был против догматически и рекламно выставляемого лозунга: «искусство это прием». Он печатал работы формалистов в сборниках «Поэтика» (1927—1929), выпускавшихся руководимым им Отделом словесных искусств Института истории искусств, но был против признания подхода формалистов к изучению литературы — методом. Интерес В. М. Жирмунского к формальной школе в литературоведении был интересом к новой области исследования, а не установлением той или иной методологической системы.⁵

Для Виктора Максимовича тех лет было характерно стремление рассматривать форму поэтического произведения не как «совокупность» или «сумму» приемов, а как некоторое единство, систему, связанную с духом эпохи и определяющуюся смыслом. Полемицируя с книгой В. М. Эйхенбаума «Мелодика стиха», он писал в 1922 году: «...только единство стилистических приемов и прежде всего смысл стихотворения, его особый эмоциональный тон, определяют собой напевность стиха».⁶

В. М. Жирмунский высказывался за, как он называл его, «плюралистический» подход к литературе, по тому времени прогрессивный, и писал: «...рядом с формулой „искусство, как прием“ могут существовать другие равно законные формулы, напр.: искусство — как продукт душевной деятельности, искусство — как социальный факт и как социальный фактор, искусство — как факт моральный, религиозный, познавательный и т. п.»⁷

Говоря о попытках Вячеслава Иванова и Андрея Белого «наметить связь между проблемами философско-историческими и формальными», В. М. Жирмунский с полным основанием прибавлял: «Эта точка зрения была мне всегда особенно близка».⁸

Свой плюрализм Виктор Максимович называл «методологическим реализмом». Прямых некоторое время в Институте истории искусств, если не целиком идейно, то внешне, к формализму, В. М. Жирмунский составлял в нем в единственном числе его наиболее «академическое» крыло. Как это ни странно, формализм привлек его главным образом тем, что он противостоял эклектизму академической науки.⁹

Враг всякой односторонности, Виктор Максимович был и в сравнительном подходе к литературным и фольклорным явлениям противником поиска внешних сходств и механических «влияний» вне их исторической связи и обусловленности.

В. М. Жирмунского всегда увлекал сравнительно-исторический метод А. Н. Веселовского. Еще в 1918 и 1919 годах он начал изучение германского, славянского и романского эпоса и читал лекции по сравнительной истории средневекового западноевропейского эпоса. Сравнительный метод интересовал его и в применении к литературе нового времени. В 1924 году вышло его обширное исследование «Байрон и Пушкин. Из истории романтической поэмы», в котором сравнительно-исторический метод и идеи формальной школы, воздействуя друг на друга, освободились от свойственных им догматических крайностей. Обособление художественных достижений от идеологического содержания, характерное для этой книги, не было, однако, характерно для самой исследовательской мысли Виктора Максимовича. В этом обособлении сказалась не позиция исследователя, а скорее узость постановки темы исследования и опасность впасть в дилетантизм. Именно о последнем свидетельствуют его известные слова о преимуществах «наивного реализма» перед «наивным психологизмом и субъективизмом» в его книге.¹⁰ Вместе с тем книга о Байроне и Пушкине рассматривала влияние Байрона в контексте творческого развития Пушкина и развития русской романтической поэмы. Этим был внесет

⁴ Там же, стр. 156.

⁵ Там же, стр. 14. Ср. в статье В. М. Жирмунского «К вопросу о „формальном методе“»: «...было бы правильнее говорить не о новом методе, а скорее о новых задачах исследования, о новом круге научных проблем» (в книге: О. Вальцель. Проблемы формы в поэзии. «Academia», Пб., 1923, стр. 5).

⁶ В. Ж и р м у н с к и й. Вопросы теории литературы, стр. 123.

⁷ Там же, стр. 158.

⁸ Там же, стр. 9.

⁹ Там же, стр. 7.

¹⁰ В. Ж и р м у н с к и й. Байрон и Пушкин. Из истории романтической поэмы. «Academia», Л., 1924, стр. 8.

принцип историзма и в сравнительный, и в формальный методы литературоведения.

Стремление учитывать историческую и диалектическую природу процессов было характерно и для первых лингвистических работ В. М. Жирмунского. Он начал с широкого круга исследований в области лингвогеографического изучения диалектов немецкого языка. Это была область, впервые раскрытая в трудах марбургской школы немецких диалектологов — Ф. Вреде и Т. Фрингса. С кругом проблем этого новаторского направления, трактовавшего лингвистические факты в социально-историческом и социально-географическом аспектах, он ознакомился во время своих поездок в Германию в 1927 и 1929 годах. Виктор Максимович с успехом применил эти новые принципы во время своих широко развернутых исследований немецких диалектов на территории СССР.¹¹ Большим и оригинальным вкладом в проблематику диалектологии была постановка вопроса о закономерностях смещения диалектов. На материале немецких диалектов в СССР им была впервые выдвинута оригинальная теория вторичных и первичных признаков диалектов, признанная затем и диалектологами Германии.

Опираясь на свой огромный опыт лингвогеографических исследований, В. М. Жирмунский впервые раскрыл громадное теоретическое значение работы Ф. Энгельса «Франкский диалект» (1935).

Стремление учитывать диалектическую природу процессов и не поддаваться догматическим крайностям тех или иных школ было характерно и для лингвистических работ Виктора Максимовича 30—40-х годов, когда в языкознании господствовала теория Н. Я. Марра. В учении Н. Я. Марра он признавал главным образом теорию стадильного развития языков, т. е. наиболее историческую его часть. При этом он подчеркивал: «... путь к стадильной истории языка лежит через сравнительную грамматику».¹² Тогда же он писал: «... очередной задачей нового учения о языке должен быть критический пересмотр огромного материала фактов, накопленных старой сравнительной грамматикой, в свете тех новых проблем, которые ставит перед нами стадильно-типологическое изучение общего процесса развития языка в его обусловленности развитием общественного мышления».¹³

Строго исторический подход характеризует работы В. М. Жирмунского по сравнительно-историческому изучению эпоса Запада и Востока, начавшие выходить после Великой Отечественной войны. Он и здесь был противником поисков внешних сходств, механических «влияний» и «воздействий» вне их исторической обусловленности. Он писал: «Основной предпосылкой сравнительной истории литературы являются единство и закономерность общего процесса социально-исторического развития человечества».¹⁴ Исходя из этого, он предлагал различать сравнение историко-типологическое, раскрывающее в повторяющихся явлениях сюжетику и стили эпоса социально обусловленные закономерности их развития, и сравнение генетическое (заимствования).¹⁵ В отличие от многих и многих компаративистов, направивших свое внимание на изучение заимствований (наличие и значение заимствований им не отрицалось),¹⁶ сам Виктор Максимович занимался по преимуществу изучением историко-типологических сходств, каждый раз раскрывавшихся им в их исторической обусловленности.

Мы не стремились в своем попевале кратком очерке охарактеризовать все грани подхода В. М. Жирмунского к разрешению литературоведческих, лингвистических, фольклористических задач. Мы попытались наметить только некоторые «константы» его научной деятельности. На самом деле и этих «констант» больше

¹¹ Бесценные многочисленные записи немецких диалектных текстов и немецкого фольклора в СССР хранятся сейчас в фонограммархиве Института русской литературы АН СССР.

¹² В. М. Жирмунский. Сравнительная грамматика и новое учение о языке. «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1940, № 3, стр. 59.

¹³ Там же, стр. 61.

¹⁴ В. Жирмунский. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. Гослитиздат, М.—Л., 1962, стр. 5.

¹⁵ В. М. Жирмунский. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 144.

¹⁶ В. М. Жирмунский указывал, что «всякое влияние исторически закономерно и социально обусловлено: для того чтобы оно стало возможным, необходимо возникновение общественной потребности в подобном идеологическом „импорте“ со стороны, чтобы аналогичные более или менее оформившиеся тенденции (идеи и чувства, темы и образы) уже существовали в данной стране, у идеологов данного общественного класса» (В. Жирмунский. Народный героический эпос, стр. 7). Однако, признавая наличие заимствований, он решительно выступал против всяких преувеличений роли этих заимствований. В статье «„Калевала“ и финская буржуазная фольклористика» (1950) Виктор Максимович энергично возражал против положения Карла Крона и его школы, отрицавших национальное происхождение значительного числа сюжетов «Калевалы», которые рассматривались как простые скандинавские заимствования.

и они ждут своих исследователей. Они привели его к марксизму и сделали образцом для его учеников.

Нам остается только подчеркнуть, что для его учеников характерна та же широкая филологическая подготовка. В. М. Жирмунский стремился передать своим ученикам умение широко обобщать материал, исторически подходить к явлениям языка, литературы, фольклора, освобождаться от плена косных идей и не находиться в тисках узких догм. Он требовал от учеников широкого общекультурного горизонта, общей высокой интеллигентности.

Как педагога Виктора Максимовича отличало глубокое уважение к личности своих учеников. Он прислушивался к их замечаниям и соображениям, стремился воспитать в них самостоятельность, поощрял инициативу и предупреждал слишком поспешные и необоснованные решения. Он всегда относился к своим ученикам как к равным себе, как своим помощникам и сотоварищам. Он учил своих учеников, работая вместе с ними. Никакой нарочитости в этом не было. И больше всего воспитывало его требовательное отношение к самому себе.

Он очень много сделал для воспитания местных кадров филологов в республиках Советского Союза — главным образом Средней Азии. Создавая эти кадры, В. М. Жирмунский передавал им общую высокую культуру русской филологической науки, приобщал их к традициям русских ученых, внушал им заветы своих учителей и воспитывал в духе высокого советского патриотизма, уважения ко всем народам и нациям и к достижениям мировой науки.

Он бесконечно много работал. Он обладал талантом труда. Работа была для него радостью. Отдых был для него ожиданием труда. С друзьями он говорил о том, что изучал, о том, чем интересовался в науке. Ему было в высшей степени свойственно чувство ответственности. В каком бы совете, комиссии или редакции он ни был, он всегда был активен и энергичен. Он не мог просто «состоять» в комиссии, совете или редакции. Он понимал свою ответственность — научную и общественную, свой долг перед советской наукой, перед ее людьми и перед родиной.

Он был верен своим темам, не раз возвращаясь к ним, чтобы усовершенствовать выводы. Он начал с работ о Блоке и Ахматовой. Он вернулся к этим темам в конце жизни, выпустив книгу о драме Блока «Роза и Крест» (1964) и подготовив издание стихов Ахматовой для «Библиотеки поэта».

Работу «Анна Ахматова и Александр Блок», напечатанную в № 3 журнала «Русская литература» за 1970 год, он называл своей «лебединой песней». Он знал, что должен скоро умереть, и готовился к завершению своей научной деятельности со стоицизмом подлинного ученого, преданного своему делу.

А. В. ДЕСНИЦКАЯ, Д. С. ЛИХАЧЕВ

